ВЫСЕКАТЬ ОГОНЬ ИЗ СЕРДЕЦ!

С. Эрьзя. «Бетховен».

ЕГО ТВОРЧЕСТВО — ПРАЗДНЕСТВО МИРА

В ДНИ празднования бетховенского юбилея особенно хочется подчеркнуть огромные успехи нашего музыковедения в изучении бессмертного творчества гениального композитора.

В культурной и общественной жизни нашей Родины музыка Бетховена играла исключительную роль.

Выдвижение на первый план этического, революционного начала в творчестве Бетховена характерно для русской критической мысли прошлого века.

ПОСЛЕ Великой Октябрьской революции самые широкие народные массы молодой Страны Советов получили возможность приобщаться к бессмертному творчеству Бетховена. Высочайшую оценку музыка Бетховена получила в высказываниях Владимира Ильича Ленина. С исключительным энтузиазмом пропагандировал его искусство А. В. Луначарский.

Вслед за небывалой по размаху серией бетховенских торжеств — премьерой оперы «Фиделио» в первую годовщину Великого Октября, циклами из всех симфоний, открытием Бетховенского зала — появляются все новые и новые труды, посвященные творчеству Бетховена.

Столетие со дня смерти великого композитора советская Бетховениана встретила новыми достижениями. Вышли в свет «Русская книга о Бетховене», книга Б. Асафьева «Бетховен. 1827—1927 гг. Опыт характеристики». М. Иванов-Борецкий подготовил публикацию эскизной тетради «голицынских» квартетов. Это был первый в мире опыт воспроизведения бетховенского черновика.

Весьма плодотворными для советских исследователей творчества Бетховена были тридцатые годы. Тогда появились значительные, ценные труды И. Соллертинского, В. Фермана, И. Рыжкина, А. Рабиновича, Р. Грачева, А. Шавердяна.

В годы господства фашистов на родине композитора особенно подчеркивалась несовместимость великих созданий Бетховена с идеологией насилия и рабства. Нельзя не упомянуть здесь о проникнутой публицистическим пафосом статье Б. Асафьева «Наследие Бетховена», опубликованной в газете «Известия» в 1937 году, в которой автор гневно выступает против тех, кто объявил Бетховена глашатаем «бесчеловечного сверхчеловечества».

В ПОСЛЕВОЕННОЕ время начался новый этап в советской Бетховениане. Музыковедение все более смыкается с исполнительской и педагогической практикой. Этот процесс нашел отражение в глубоко содержательных и текстологически важных комментариях А. Гольденвейзера к фортепианным сонатам Бетховена, в фрагментах книг С. Фейнберга, Г. Нейгауза, в учебных пособиях Л. Мазеля, В. Конен, В. Беркова, В. Протопопова. Самым широким кругам читателей адресуют свои книги о Бетховене А. Альшванг, Ю. Кремлев, Р. Грубер, Н. Николаева, В. Васина-Гроссман.

Публикация «Книги эскизов Бетховена за 1802—1803 годы» (из семейного архива Вительгорских - Веневитиновых) стала огромным событием.

Из изданий последних лет следует отметить работу С. Павчинского, посвященную новаторству бетховенской музыки, и труд «Театр и симфония» В. Конен.

Мы окинули беглым взглядом прошлое — как далекое, так и совсем недавнее — советской Бетховениану. Чем же встречает она знаменательную дату?

Юбилею композитора посвящена книга В. Протопопова «Принципы музыкальной формы Бетховена». В двух томах сборника статей публикуются капитальные творческие исследования, новые интересные работы большой группы советских ученых.

Важное место среди юбилейных книг занимают также сборник «Из прошлого советской Бетховенианы» и, конечно, наиболее полное издание на русском языке бетховенского эпистолярия, охватывающего период с 1787 по 1811 год (составитель и автор комментариев Н. Фишман).

В юбилейные дни состоялись интереснейшие выступления большой группы советских музыковедов на научных сессиях и конференциях. Среди видных ученых, участников научной сессии, организованной Институтом истории искусств при Министерстве культуры СССР, Союзом композиторов СССР и Московской государственной консерваторией имени П. И. Чайковского, — Ю. Келдыш, Ю. Кремлев, И. Нестьев, А. Сохор, В. Цуккерман, Б. Ярустовский, Г. Кнеплер и Э. Майер (ГДР) и другие.

Двухсотлетие Бетховена отмечается в Советском Союзе как большой, поистине всенародный праздник. Нет сомнения, он явится новой славной вехой на пути дальнейшего подъема советской Бетховенианы.

Дмитрий БЛАГОЙ.

«Ничего не знаю лучше «Appassionata». Готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка».

(Ленин).

«Замечательная симфония была вчера вечером! Чего-либо подобного ты в своей жизни не слышала... Этот полный отчаяния разлад в первой фразе, эта элегическая грусть, эти нежные жалобы любви в Адажио и эти мощные, полные юношеской силы, ликующие трубные звуки в третьей и четвертой части!».

(Энгельс).

...«Музыкант, какого не являлось в мире с тех пор, как существует музыка»...

(Стасов).

«Творения Бетховена бессмертны, и творец их бессмертен».

(Роллан).

«Бетховен был гений музыкальный, что не мешало ему быть поэтом-мыслителем».

(Серов).

ДРАГОЦЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

ЛЮДВИГ ван Бетховен... Трудно переоценить историческое и художественное значение творческого наследия этого гениального музыканта, посвятившего свое творчество высоким идеалам гуманизма. В нашей стране наследие Бетховена пользуется всенародной любовью. Нам бесконечно дорого все, что связано с именем композитора. Стремление узнать, как жил, в каких условиях творил, о чем думал, размышлял этот великий человек, непременно приведет нас к знакомству с бесценными документами, позволяющими расширить наши сведения и представления о художнике. Речь идет о рукописном наследии Бетховена — о тех эскизах и письмах, собиранием, анализом и публикацией которых занимается длительное время Государственный центральный музей музыкальной культуры имени Глинки.

О своеобразной судьбе этих уникальных документов рассказывает старший научный сотрудник музея, доктор искусствоведения Натан Львович Фишман, страстный энтузиаст и глубокий исследователь творческого и рукописного наследия Бетховена:

— Вскоре после смерти композитора его рукописи были распроданы в Вене с аукциона и разлетелись по городам разных стран и континентов.

Еще в первой половине прошлого столетия ряд ценнейших бетховенских автографов был приобретен русскими композиторами. На нынешний день нам известно 12 музыкальных автографов и 12 писем Бетховена, хранящихся в СССР. Наиболее значительной по объему (174 страницы альбомного формата) является книга эскизов за 1802—1803 годы из архива М. Ю. Виельгорского, включающая наброски «Героической симфонии», «Крейцеровой сонаты», двух вариационных циклов, «Восемнадцатой фортепианной сонаты», оратории «Христос на Масличной горе» и ряда других сочинений.

...В письме от 19 марта 1900 года композитор С. И. Танеев сообщал музыкальному издателю М. П. Беляеву: «В Москве нашлась собственноручная тетрадь его эскизов... не может быть никаких сомнений в их подлинности... Когда я увидел эту драгоценность, я прежде всего подумал о том, как бы хорошо было ее издать в виде автографа... Если бы на долю русского издателя выпало познакомить музыкальный мир с подлинной книгой эскизов Бетховена, где видно, как он работал, в каком порядке одна его мысль сменяла другую, что именно он считал нужным выкинуть и заменить другим, то как бы было хорошо».

Отрицательный ответ Беляева, мотивировавшего свой отказ тем, что его издательство пропагандирует произведения русских авторов, глубоко опечалил Танеева. «Мне жаль, что вы даже для этого автора не хотите сделать исключение, — укорял он Беляева. — Бетховена вряд ли правильно считать немецким автором. Он принадлежит всему миру, в том числе и нам, русским».

Книга осталась неизданной и увидела свет лишь несколько лет назад в виде трехтомника, опубликованного музеем. Из других музыкальных автографов Бетховена, хранящихся в СССР, столь же драгоценна карманная тетрадь с эскизами квартетов, посвященных Голицыну; тетрадь обработок пяти шотландских и одной украинской народной песни; авторский клавир песни Клерхен из музыки к «Эгмонту».

Знакомясь с эскизами, мы получаем возможность как бы проникнуть в творческую мастерскую композитора, шаг за шагом прослеживая процесс рождения произведения. Эскизы позволяют делать интереснейшие сравнения. Скажем, одинаково ли складывается процесс работы над произведением у Моцарта и у Бетховена? Ответ мы без труда найдем в эскизных записях. Моцарт фиксировал на бумаге лишь то, что ясно оформилось в его творческом сознании. Совсем по-иному работал Бетховен. По его собственному признанию, он не оставлял незаписанной ни одной музыкальной мысли. С нотной тетрадью он никогда не разлучался: **«Я переделываю многое, отбрасываю, пробую снова до тех пор, пока не бываю удовлетворен, и тогда в моей голове начинается переработка в ширину, в длину, в высоту и глубину. Так как я сознаю, чего хочу, то основная идея не покидает меня никогда, она поднимается, она вырастает, и я вижу и слышу образ во всем его объеме, стоящим перед моим внутренним взором как бы в отлитом виде».**

Безудержная стремительность размашистых записей, словно соревнующихся с реальным звучанием музыки, подтверждает это признание. «ИЕСЛИ в музыкальных сочинениях Бетховена нам слышится, по выражению Ромена Роллана, «пламенный поток в гранитном русле», если эскизные тетради позволяют наблюдать процесс формирования этого русла, то письма открывают нам источник, питавший этот пламенный поток», — читаем мы в предисловии к собранию писем Бетховена, составленному Н. Фишманом и выпускаемому издательством «Музыка» (издание включает собрание писем с 1787 по 1811 год и рассматривается как начало публикации полного собрания эпистолярия композитора).

Вот, к примеру, замечательный документ — запись на память, сделанная в альбоме Вокке. Удачно воспользовавшись цитатой из «Дон Карлоса» Шиллера, Бетховен пытается несколькими штрихами нарисовать свой портрет:

Вена, 22 мая, 1793 г.
Поверьте мне, пылающая кровь —
Мое злонравье, юность — преступленье.
В чем грешен я! Пускай я бурным вспышкам
Порой подвержен, все ж я сердцем добр.
Творить добро, где только можно, любить свободу превыше всего, за правду ратовать повсюду, хотя бы даже перед тираном.
Вспоминайте и впредь о почитающем Вас друге
Людвиге ван Бетховене
из Бонна близ Кельна.

Из 360 писем, подготовленных к публикации, около ста ранее не публиковалось на русском языке, более семидесяти отсутствовало в собраниях на языке подлинника. Среди них — единственное, ранее не известное письмо Бетховена к Терезе Брунсвик, вдохновившей композитора на создание наиболее совершенных творений.

Вена, январь 1811.

Хорошие люди вспоминают друг о друге и без особого к этому повода. Так и у нас с вами, дорогая, уважаемая Тереза. Я все еще не выразил Вам благодарности за Ваше прекрасное изображение, но, объявляя себя должником, одновременно обращаюсь к Вам и как проситель: если Вы как-нибудь почувствуете, что Вас вновь посетил гений живописи, то умоляю Вас повторить для меня тот маленький рисунок, который я имел несчастье потерять. Орел, глядящий на солнце — вот что это было, я отлично помню. Но не подумайте, что я тут в какой-то степени подразумеваю себя, хотя нечто подобное мне уже кто-то приписывал. Ведь героический сюжет доставляет удовольствие многим, в ком и нет ничего героического. Прощайте, дорогая Тереза, и вспоминайте иногда глубоко почитающего вас друга

Бетховена.

Самые разные стороны бетховенской натуры раскрываются нам при знакомстве с его письмами. Неуемный темперамент дает знать о себе в письмах к друзьям, написанных в патетическом тоне. В письмах к Вегелеру, например. Другие грани характера обнаруживают письма к Цмескалю. Склонный к добродушной шутке, иногда несколько грубоватой, Бетховен избрал этого, бесконечно преданного друга мишенью для своих острот.

Душа Бетховена отзывается на все, что его окружает. Он пишет и о положении художника в современном обществе, о том, что **«желал бы установления совершенно иного порядка. Надо бы иметь на весь мир только один магазин искусства, куда художнику было бы достаточно отдать свои творения, чтобы получить оттуда все, что ему нужно. Ведь при нынешнем положении приходится быть наполовину торгашом, а как — о, боже милостивый, — приноровиться к этому!..».**

В письмах раннего венского периода — множество высказываний, раскрывающих социальные взгляды молодого Бетховена, горячий интерес его к вопросам политической жизни. В одном из них композитор проницательно отмечает, что мещанская узость и ограниченность немецкого бюргерства — вот причина, мешающая успеху революции на австрийской почве. **«Здесь взяты под стражу различные видные люди, и ходят слухи, что должна была вспыхнуть революция. Но я полагаю, что пока австриец располагает темным пивом и сосисками, он на восстание не поднимется».**

Глубокий душевный кризис, пережитый Бетховеном в связи с настигшей его страшной болезнью — глухотой, находит отражение в письмах к Вегелеру и Аменде. Примечательно, что и в них содержится целый ряд жизнеутверждающих положений, коими он руководствовался на протяжении всего творческого пути.

Бетховен говорит в них о том, что артист не достигнет высот искусства, не стремясь к нравственному совершенствованию. Свою цель Бетховен формулирует так: **«Пусть мое искусство проявляет себя единственно с целью облегчения доли бедняков».** И еще: **«Моя готовность служить своим искусством бедному страждущему человечеству никогда, начиная с детских лет, не находилась в зависимости от чего бы то ни было и не нуждалась ни в какой награде, кроме внутренней удовлетворенности»...**

Эстетические воззрения Бетховена, суждения о музыкальном искусстве также находят отражение в строках его писем. В них он обращается и к вопросам музыкального творчества. К сожалению, пределы статьи не позволяют отметить все, что привлекает внимание при их чтении.

Личность Бетховена — художника, мыслителя и борца, человека демократических убеждений, сильной и чистой души — предстает перед нами не только со страниц его произведений, но и в письмах, которые время сохранило для нас, его потомков и почитателей. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что всякому творческому, пытливому человеку знакомство с рукописным наследием Бетховена подарит множество разнообразных, неповторимых впечатлений, даст богатейшую пищу для воображения, ума и сердца.

Беседу вела **О. МОЛЧАНОВА.**

ЗДЕСЬ РОДИЛСЯ БЕТХОВЕН

ОН СТОИТ в центре Бонна — монументальный и живой, отрешенный от земного и человечный. Памятник Бетховену на Мюнстерплац — на фоне старинного здания почты, а вокруг большие короба современных магазинов. На площади суета: толпы людей, десятки машин.

Жива в Бонне церковь миноритов, которая слышала игру на органе десятилетнего Людвига. А на Бетховенплац старый парк. Высоко взлетают струи феерического фонтана, могучи и раскидисты древние каштаны. Как знать, может, они помнят юного Бетховена! В боннской ратуше хранится книга, в ней зарегистрировано появление на свет младенца Людвига ван Бетховена.

Домик на старой узкой Боннгассе числится под номером 10. Он розовый с зелеными ставнями. Днем ставни распахнуты, на окнах белые в крапинку занавески, горшки с пунцовой геранью. Здесь родился один из семи детей Марии Магдалены Кеверих и Иоганна ван Бетховена — Людвиг ван Бетховен.

В первый раз я перешагнула порог бетховенского дома четыре года назад. Тогда была зима, сырая, бесснежная зима Бонна. В музее, кроме меня, оказались только двое — женщина и девочка лет десяти. В последний раз я была там этим летом. В тесных комнатах было людно. Опекуны музея рады этому: деньги, вырученные за входные билеты, позволят расширить экспозицию. Музей частный, его не содержит ни государство, ни город. Он возник и по сей день существует лишь благодаря энтузиастам. Почитатели таланта композитора объединены в «Общество любителей музыки Бетховена», стать членом которого очень просто: право на это дает необычно скромный денежный взнос.

РЕДКОЕ обаяние хранят самые будничные вещи, которые некогда принадлежали великим людям. За стеклом в бетховенском музее — очки с неправдоподобно маленькими стеклами, трости, скрипка, на которой играл шестнадцатилетний музыкант. Здесь старый орган, тот самый, что стоял в минаретной церкви. А одна из витрин беспощадно, безжалостно откровенная: за ее стеклом четыре предмета странной формы. Это слуховые рожки, которыми пользовался композитор.

Поскрипывают старые половицы, и невозможно уйти от навязчивой мысли о какой-то невероятной несоизмеримости этих комнат на чердаке, этой бедности и грандиозности, непостижимости таланта того, кто здесь родился.

Позже семья Бетховена перебралась в еще более узкий переулок — Рейнгассе, дальше отстоящий от центра. Зато из окон нового жилища был виден Рейн. «Там оформились мечтания юного сердца, — писал Ромен Роллан, — в этих лугах, которые в истоме колышутся, отражаясь в воде со своими тополями, закутанными в туманы, с кустарниками и ивами, с фруктовыми деревьями, купающими свои корни в безмолвно и быстро бегущей реке. Деревни, церкви, кладбища с тихим любопытством наклоняются с берега, а на горизонте голубоватые Семь гор вырисовываются своими грозными профилями, поднимающимися над тонкими причудливыми силуэтами старых разрушенных замков»...

Теперь на боннских берегах Рейна нет ни лугов, ни деревень. Вдоль широченной набережной с причалами — зеленые аллеи, цветники. За ними, чуть выше, театр и современный концертный зал— Бетховенхалле.

«СЧЕТЫРЕХ лет музыка стала одним из первых моих занятий», — писал Бетховен Францу Вегелеру, профессору медицины, ректору университета в Бонне. После смерти композитора Франц Вегелер и Франц Рис написали книгу о боннских годах своего гениального друга.

В восемь лет Бетховен впервые выступил в большом публичном концерте. Это было 26 марта 1778 года. Предприимчивый отец указал в афише, что его сыну шесть лет. Публика во все времена падка на сенсации. К тому же Бетховену-отцу, вероятно, не давали покоя лавры Моцарта, который выступал перед публикой пяти лет и принес своей семье деньги и славу. Любопытно, в одном из писем к Вегелеру Бетховен писал, что, к сожалению, он сам точно не знает, сколько ему лет.

Одна из улиц Бонна — коротка, с зелеными лужайками, застроенная современными домами, — носит имя Неефе. Удивительный это был человек. Композитор, органист, дирижер, писатель. Добрейшая душа. Он был маленького роста, горбат и невзрачен. Многие в Бонне тогда остерегались его иронического беспощадного слова. Неефе был, по существу, единственным учителем Бетховена. Они начали занятия, когда Людвигу было 12 лет. Много позже, став уже известным композитором, он писал: «Я благодарю Вас за Ваши советы, которые Вы давали мне так часто в продвижении моего божественного искусства. Если я когда-нибудь буду великим, то в этом есть и Ваша доля». В одной из статей Христиан Неефе назвал Бетховена юным гением. Позднее сам Бетховен считал то время началом своей композиторской деятельности. Через три-четыре года незаурядного юношу — скрипача, органиста, музыканта, поражавшего искусством импровизации, хорошо знал Бонн. А Бетховен уже рвался в музыкальную Вену.

В 1787 году, семнадцати лет, он отправился туда за «благословением» Моцарта. Все складывалось прекрасно. Моцарт не только высоко оценил игру юноши — великий маэстро согласился давать ему уроки. Но учитель и ученик встретились всего несколько раз. Тревожная весть о болезни матери заставила Людвига немедленно вернуться домой. Вот строки из его письма: «Я застал ее еще в живых, но в достойном жалости состоянии: у нее была чахотка, и после почти семи недель, в течение которых она страдала, как мученица, она умерла. Я потерял в ней нежнейшую мать и лучшего друга»... И в другом письме: «Она была мне доброй матерью, лучшим другом. О, кто был счастливее меня, когда я мог произнести ласковое имя матери, и это слово было услышано. Кому же теперь я скажу его?».

На старом боннском кладбище есть скромный памятник женщине, о которой Бетховен писал, что она была им горячо любима, была ему лучшей подругой. Эти слова, слова посвящения, высеченные на серой плите, прилепившейся к кладбищенской ограде на могиле матери Бетховена, стали стираться, и недавно «Общество любителей музыки Бетховена» взялось за реставрацию памятника.

...ЯИДУ по узкой Себастианштрассе. Она все поднимается и поднимается в гору, будто нет ей конца. По этой улице бродил Роберт Шуман. Природа щедро наградила этого человека. Он был не только композитором, но и блестящим музыкальным критиком, и поэтом... Для него всегда много значило знакомство с выдающимися людьми искусства, он искал свидания с городами, улицами, которые были связаны с именами его великих предшественников. О Вене Шуман писал: «Эта Вена со всеми своими воспоминаниями о величайших немецких музыкантах является благодарной почвой для фантазии композиторов. Часто, когда я созерцал ее с горных высот, приходило мне в голову, что по тем виднеющимся вдали склонам Альп блуждал когда-то беспокойный взор Бетховена, Моцарт мечтательно бродил по берегам Дуная, а папаша Гайдн частенько посматривал вверх на башню собора, и его старческая голова кружилась от такой высоты...».

Себастианштрассе, 182. Старый дом в стиле классицизма. Мемориальная доска рассказывает о том, что здесь жил Роберт Шуман. Он занимал две комнаты на втором этаже. Сейчас в этих комнатах музей: письма, портреты, ноты. В углу, около окна, которое смотрит в сад, — пианино. Оно сделано известным мастером Рихардом Липпом. На этом инструменте играл Ференц Лист во время первого Бетховенского фестиваля в Бонне в 1845 году при открытии памятника Бетховену. Позже пианино стало домашним инструментом Шумана. Сейчас оно стоит укрытое выцветшим красным покрывалом со светлой широкой каймой. На красном — наивный узор из цветов, на кайме — ноты. Все это вышито руками Клары Шуман.

Дому Шумана повезло больше, чем бетховенскому. На первом этаже музея — городская музыкальная библиотека, и потому все материальные заботы лежат на городской казне.

СЕЙЧАС в Бонн съезжаются многие прославленные музыканты мира. Уже давно развешаны афиши бетховенского фестиваля в старом немецком городе на Рейне, где родился гений человечества, вся жизнь которого была отдана тому, чтобы «высекать огонь из сердец людей».

Г. НИКУЛИНА.
БОНН—МОСКВА.

НАШ СОВРЕМЕННИК, НАШ ЕДИНОМЫШЛЕННИК

Широко отмечается в Германской Демократической Республике 200-летие со дня рождения Людвига ван Бетховена. Наш корреспондент И. Фаддеева обратилась к руководителю секретариата по празднованию юбилея великого композитора Хансу-Вернеру фон Геeру и к директору музыкального отдела Германской государственной библиотеки Карлу-Хейнцу Келлеру с просьбой рассказать читателям о том, как встречает ГДР эту знаменательную дату. Вот что они сообщили:

— В день создания комитета по чествованию памяти Бетховена в ГДР председатель Совета Министров Вилли Штоф сказал: «Разрушению империализмом культурных традиций мы противопоставляем наш устремленный в будущее образ истории, представляющий Бетховена вершиной великих немецких музыкальных традиций, титаном мировой культуры, который нам может дать сегодня больше, чем когда-либо».

Вся работа юбилейного комитета направлена на то, чтобы творчество Бетховена завоевывало все большее место в музыкальной жизни нашей планеты.

Музыка великого композитора заняла прочное место в передачах радио и телевидения, концертах во Дворцах культуры, рабочих и студенческих клубах. Бригады передовиков производства крупнейших предприятий Потсдама, Эйзенаха, Магдебурга, Виттенберга, Карл-Маркс-Штадта и других городов включили в план своей культурной работы углубленное знакомство с творчеством композитора. Участвуют в бетховенских вечерах лучшие самодеятельные оркестры и любительские хоровые коллективы, учащиеся средних и высших учебных заведений. Цикл юбилейных мероприятий проводится Немецким культурбундом, обществом «Урания», профсоюзными, молодежными и другими общественными организациями.

Особое внимание у нас уделяется публикациям сочинений Бетховена. Заново переиздаются все его произведения.

Пожалуй, все книжные издательства ГДР вносят свой вклад в юбилейные торжества. Так, издательство «Хеншель-Ферлаг» выпускает новое, обогащенное последними исследованиями и комментариями издание избранных писем композитора. Это издание шире, чем прежнее, знакомит читателей с важными, ранее мало известными событиями его жизни, его мировоззрением, взглядами на различные общественные, философские и эстетические проблемы эпохи.

Несомненный исторический интерес вызовет и переиздание ставшей библиографической редкостью первой биографии Бетховена, написанной его юным другом — секретарем Антоном Шиндлером.

Большое событие — Международный конгресс, который проводился в ГДР с 10 по 12 декабря в форме докладов, симпозиумов, коллоквиумов.

Бетховенский год необычайно широко представляет творчество гениального композитора. Он станет еще одним свидетельством бессмертия композитора.

БЕРЛИН.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

Я СЛУШАЮ «ЛУННУЮ СОНАТУ»

Я, как и многие мои товарищи, очень люблю музыку. И потому сейчас, в дни празднования юбилея Людвига ван Бетховена, хочется сказать большое спасибо редакциям нашего радио и телевидения за передачи, посвященные жизни и творчеству моего любимого композитора. Я старался не пропустить ни одной передачи цикла «Из сокровищницы мирового музыкального искусства». А сколько незабываемых впечатлений оставили передаваемые из Германской Демократической Республики «Все симфонии Бетховена» — «Шедевры»!

Я ремонтирую подвижной состав, заочно учусь в институте. Но, как бы ни был занят, всегда стараюсь найти время, чтобы почитать о жизни композиторов, художников, писателей, познакомиться с их произведениями. Кажется, все прочитано о Бетховене, кажется, прослушаны все его симфонии и сонаты. Но, присаживаясь перед приемником или телевизором, особое, новое чувство испытываешь с первых тактов музыки гениального композитора. Она словно снимает шероховатости в душе, в характере, учит понимать жизнь, любить ее. Начинаешь смотреть на жизнь шире — поистине хочется окинуть взглядом весь мир, всю планету.

— Я люблю музыку. На магнитофоне записал все лучшие песни, — сказал как-то один из моих товарищей по работе. — А симфонии — их надо понимать.

Вот это «надо понимать» и останавливает многих в постижении музыкального искусства. Но если все-таки заставить себя внимательно прослушать от начала до конца одно из произведений Бетховена? Поверьте, вы не останетесь глухи к его великой красоте. Так и случилось с этим молодым рабочим. Мы слушали с ним «Лунную сонату». Первая часть была встречена с неопределенной улыбкой:

— Ну, это понятно... Даже красиво...

Я чувствовал: что-то необъяснимое входило в его душу. А третья часть заставила его преобразиться. И я рад, что еще один человек на всю жизнь полюбил замечательную музыку Бетховена...

В музыке великого композитора, которую так любил В. И. Ленин, мы слышим торжествующий гимн жизни, она помогает нам понять, как необходимо быть Человеком с большой буквы, как необходимо отдавать весь свой труд, всего самого себя построению коммунизма.

Юрий ЭСИПОВ,
рабочий вагонного депо.

г. ЕРШОВ,
Саратовская область.